

Сергей БОРОВИКОВ

САРАТОВЦЫ

Взял для справки книгу «Писатели Саратова» (1985) и понял, что надо рассказать о них.

Книга состоит из двух разделов: I – члены СП, кого уже нет, II – члены СП, кто ещё есть, но теперь и из них в живых, включая меня, осталось четверо.

I

Виктор Бабушкин (1894–1958). Однажды видел его у нас дома на М.Казачьей. Запомнилось, что он всё время курил, причём лежа на моём диване, и громко ругал уж не знаю, сына или внука, копируя женский голос: «Витенька, сделай!» Сейчас понимаю, что был он нетрезв.

Вениамин Богатырев (1908–1985). Однажды (см. «Пустая полка», Волга, 2018, №7-8¹) я уже написал о нём, что знал. Но только сейчас вспомнил, что Г.Ф. говорил, будто отец «Богатыря» служил в Хвалынске в полиции.

Павел Бугаенко (1908–1983). Написал немало в той же «Пустой полке», а ещё прежде, в 85-м небольшой мемуар «Павел Андреевич», но дополню.

В «Полке» я почти не вспоминал Павла Андреевича-человека. Произвести он мог впечатление заносчивого сухаря, но это был стиль, возможно выработанный после военных и послевоенных отсидок (см. публикацию А. Голицына «Война, плен и лагерь филолога Бугаенко» на сайте Free News Volga²). Был же он прост и порой до смешного наивен. Как-то мы в один срок жили в Коктебеле. Я поначалу чуть стеснялся ежедневного общения, так как постоянно употреблял, но был мой недавний ректор (точнее и.о.) настолько прост в общении, что винный напряг исчез. Он поведал, что сам давно находится в завязке. Обожал жену Веру Николаевну и так сообщал о её хозяйственности: «В магазин только войдём, а она уже знает, где что: “Павлик, это купим и это возьмем!”» Однажды неожиданно встретился с ним и его дочерью Светланой в вестибюле ЦДЛ. Они уходили, а я только вошел. Оба, особенно она, были приятно возбуждены, он возмущался, тем, что сейчас при них в ресторане Евтушенко кричал на официанта.

Михаил Котов (1907–1972). Когда я пришёл в «Волгу», он был заместителем главного редактора. В нём было – не скажу, что приятное – соединение закоренелого советского чинуши с ценителем поэзии. Как чиновник был он в крайней степени исполнитель и послушен. Любовь к поэзии проявлялась в придирках к стихам, как отвергнутым, так и принятым. Наслаждался руководством популярного в 60-е поэтического турнира при газете «Заря молодёжи», где либерально курил в президиуме, о чем рассказывали ходившие туда мои одноклассники Боря Фаликов и Илюша Петрусенко.

В молодости Котов прославился тем, что забраковал в Смоленске поэму Твардовского «Страна Муравия», что не помешало ему сотворить книгу (1963) «В мастерской стиха Твардовского». Страдали же мы, когда к концу дня со смущенным лицом Михаил Поликарпович обходил кабинеты, приглашая всех в кабинет главного редактора в его отсутствие. Там, с неизменной сигаретой, заикаясь сильнее обычного, он читал свои новые пародии на стихи волжских поэтов. Что было ему сказать? Молчали.

Своё заикание, как мне рассказывала Ольга Гладышева, сам Котов объяснял тем, что его подростком вывели с дедом на расстрел бандиты кулаки, да пожалели.

¹ <https://magazines.gorky.media/volga/2018/7/pustaya-polka.html>

² <https://fn-volga.ru/news/view/id/132164>

Незадолго до войны уже в Саратове он случайно угодил на крупные неприятности: нечаянно, из-за часов, опоздав на 40 мин. на работу, и попал под закон, по которому опоздавшие более чем на 20 минут увольнялись, а его ещё и исключили из партии. Впрочем, тогда исключение из партии ещё не ставило на человеке крест, и в 1941 году его восстановили (сообщено Голицыным).

Был Котов малого роста и предельно тщедушен, похож на седую птичку. Не зол, вплоть до беззащитности. В последние месяцы жизни часто говорил, что в ванне ему представляется, будто лежит в гробу.

Александр Матвеев (1894–1954). Знаю о нём очень мало. Фишкой Матвеева были абхазские сказки, так как он жил в Сухуми в 20-е годы. Его тексты встречал в тонких журналах 30–40-х годов. Кажется в «Красной Ниве» видел его очерки о знаменитом обезьяньем питомнике.

После ждановского постановления сорок шестого года, было велено искать местных Ахматову и Зощенко. Поэтесс в Саратове не было, а на роль Зощенко определили Матвеева. Почему именно его? Мне пришло в голову смешное, но по тем временам вполне вероятное объяснение: он тоже писал про обезьян...

Николай Милованов (1927–1981). Он недолго жил в Саратове и почему переехал из Москвы, не знаю. Рассказывая о столичной жизни, сыпал байками типа «Тут мне Женька Евтушенко и говорит...» Все почему-то придавали значение тому, что его сын снимался в сериале «Место встречи...» Был в завязке. Переводил стихи националов, особенно много башкиров.

Борис Неводов (1900–1957). В детстве я видел его и помню лишь постоянную улыбку и неопрятность, живо вижу его белые полотняные брюки, на уровне моих глаз все в желтых пятнах. Кажется, Г.Ф. рассказывал о таких моментах, как его служба в белой армии. Судя по всему, до приезда Коновалова ходил в первых романистах Саратова. Имел жену-стоматолога, у которой лечилась моя мать, и сына Юрия, который успел повоевать, чудаковатого старого холостяка, жившего с матерью. Он преподавал на филфаке и на потеху студентов носил не портфель, а небольшой фибровый чемодан с металлическими уголками.

Борис Озерный (1911–1958). Был одним из немногих друзей моего отца по охоте и рыбалке до появления в газете «Молодой сталинец» (1949) его статьи «В стороне от жизни». Дело не в справедливости или спорности критики, а в том, что статья шла Г.Ф. политику. Вот некоторые цитаты: «Совершенно ясно, что писатель взял для рассказа не типичное явление, искажил действительность. Бережное отношение к социалистической собственности стало неотъемлемой чертой поведения советского человека. В рассказе же, начиная от председателя колхоза и до Максима с Федором, которые предложили бросить все, чтобы спасти себя, – видно полное пренебрежение к этому незыблемому закону нашей жизни. <...> Комментарии, как говорят, излишни, если автор утверждает, что в степи все погибнет, кроме полынка и ковыля. Каждому ясно, что это не так, что описанную степь автор увидел через кривые стекла аполитичности, что это – искажение действительности принижает советского человека, значение его труда. Это плод досужей фантазии, которую Г. Боровиков пытается выдать юному читателю за правду жизни. Писатель Г. Боровиков отстал от событий, отстал от жизни, попал в плен случайностей, не имеющих ничего общего с характерными явлениями развития социалистического общества. В результате получается литературный брак».

Когда Озерный приходил потом, выпивши, то стоя во дворе, просил прощенья, утверждал, что к подлости его вынудила жена, журналистка Роза Берлин (после смерти мужа превратила литературный псевдоним в свою фамилию). Так что позволю себе чуть оспорить утверждение моего друга кн. Голицына: «встречались люди порядочные, не подписавшие ни одного коллективного письма, не написавшие ни одной жалобы ни на кого вообще: например, поэты Борис Озерный и Николай Корольков». Печатный донос стоит письменной жалобы.

Хоть статью и признали на собрании писателей заушательской, своей цели супруги достигли: с 50-го года Озерный стал опять (уже был в 45–47 г.г.) ответсекретарем.

Погиб он в Астрахани, попав под поезд.

Евграф Покусаев (1909–1977). На филфаке русский 19-й век вместо Покусаева нам читала А.А. Жук, так что Евграфа Ивановича я знал по отзывам других студентов, которые его любили. Помню рассказ Валерки Виноградского, который был у него в спецсеминаре, как они пришли поздравить его с шестидесятилетием, и *Евграф*, послушав недолго, велел заглянуть в угол, где стояла водка в ящике. Иногда я наблюдал его на редколлегиях «Волги», где все, начиная с Шундика, относились к нему с большим пиететом. Как-то, унюхав табачный дым, эмоциональная Ольга Авдеева закричала: «как не стыдно Евграфа Ивановича обкуривать!», но обнаружилось, что курит именно он. Был человеком большого обаяния и редкого для провинциального вуза научного веса.

Сергей Розанов (1900–1977). Впервые я его увидел в 57 году в поселке Дедеркой под Туапсе, куда мы приехали по его рекомендации: у него там был дом. Место было дикое. Через 52 года, получив в газете долгожданный отпуск, я решил побывать на море и отправился в Дедеркой, чтобы вскоре оттуда сбежать, от мёртвого моря и невыносимых пляжников. Перед отъездом по памяти нашел розановский дом, и в дворе старушку, которая его помнила.

В 1977 году на собрании по приему в Союз писателей обычно молчаливый Сергей Константинович резко выступил против меня.

Валентин Смирнов-Ульяновский (1897–1982). В жизни Валентина Александровича было два знаковых события. Одно он вспоминал часто и до конца дней. Как об этом написано в книге «Писатели Саратова»: «Ему выпало счастье быть делегатом третьего съезда комсомола. Он слышал историческую речь Ленина “О задачах союзов молодёжи”».

Об этом он десятилетиями рассказывал на собраниях и встречах на предприятиях и колхозах, институтах и школах. Особое удовольствие, думаю, ему доставляло поправлять, если учитель или вожатый скажет, что на съезде Ленин произнёс знаменитый лозунг «учиться, учиться и учиться». Нет, веско говорил живой свидетель, это слова в работе такой-то, а я сам слышал, как вождь сказал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество».

О втором событии он не любил вспоминать. До 1924 года гражданин Смирнов подписывался Смирнов-Симбирский, а вслед за переименованием города переименовался и он.

У меня воспоминания о Валентине Александровиче юмористические. В детстве слышал, как мама говорила, что с ним невозможно сидеть за столом, потому что после второй рюмки он расстегивает брюки, чтобы показать послеоперационный шрам. А когда от месткома я был послан поздравить его с 75-летием, за столом юбиляр, с полным фужером в руке, начал говорить здравицу жене, вышедшей его после операции, она стала довольно злобно вырывать у него сосуд.

Моя вторая жена была лечащим врачом у См.-Ульяновских, о чём я узнал, когда она с насмешкой отозвалась о моем обыкновении сберегать бумаги. «Зачем? – спросила Тамара Ивановна, – чтобы потом в мусорку?» На неё произвело впечатление, когда вскоре смерти писателя вдова выкинула на мусорку бесчисленные его грамоты.

Говорить всерьёз о двух пьесах Валентина Александровича не приходится.

Георгий Соловьёв (1911–1972). В книге сообщается, что в Саратов он переехал в 1959 году, но это не так. На фотографии, сделанной моим отцом, стоят Соловьёв, Г.Н.Вирич и я, мне там не больше пяти-шести лет, стало быть это не позднее 1953 года. Фото сделано летом, мы на фоне дачного крыльца. Это дом матери Вирича Марины Калининны, где жил Соловьёв до получения квартиры. Помню его и на водном празднике на старой волжской набережной, помню очень ярко, потому что впервые видел вблизи (на Соловьёве) морскую в золотом шитье форму, а главное кортик. Фоном

возникают хлопающие высоко на ветру разноцветные флажки. Думаю, это День Военно-морского флота, который в СССР отмечался 24 июля.

В конце 60-х Соловьёв получил квартиру в доме на набережной, где уже жили Тобольские и мы. В то время случилась ссора Г.Ф. и Соловьёва, который обозвал по телефону мою маму. Наблюдал я Георгия Ивановича, когда вовсе не в форме, а часто и в пижаме, он направлялся в кафе «Ветерок», расположенное в наше доме.

Его жена Евдокия Анатольевна при встречах жаловалась моей маме на то, что пенсия уходит ему на выпивку: раньше бутылка коньяка в день, теперь две бутылки портвейна.

Был Соловьёв участником ВОВ. В «Писателях Саратова» сообщено об этом так: «Во время Великой Отечественной войны Г.И. Соловьёв защищал Ленинград, командовал дивизионом катерных тральщиков на Волге». На сайтах Минобороны «Подвиг народа» и «Память народа» тому есть подтверждение: с декабря 41-го был на Волге, с октября 42-го в Ленинграде. Но есть и существенное уточнение, особенно интересное, если вспомнить агрессивный патриотизм Георгия Ивановича, который однажды обернулся его дракой с товарищем по писательской организации и тоже участником ВОВ поэтом Тобольским.

9 мая 1965 года в застолье в СП в Доме книги Исая Григорьевич, не выдержав постоянных реплик Соловьёва про ташкентских партизан, бросился на него с кулаками.

В нашем детстве почти у всех отцы были фронтовики. А у Ильи Петрусенко мать-еврейка прошла всю войну военврачом. Невозможно представить какого-то другого саратовского писателя способного на подлую ложь о якобы скрывавшихся в тылу евреях. И вот здесь надо уточнить военную биографию Соловьёва.

В справке в «Писателях Саратова» нет лжи, но есть умолчание о том, что (цитирую сайт минобороны) «Капитан 3 ранга СОЛОВЬЁВ весь период Отечественной войны работает на ответственных должностях КНВМФ и КВФ³.

Работая Начальником ВМЦ⁴ Штаба КБФ⁵ с августа месяца 1943 года проделал большую работу по укреплению цензуры на КБФ.

Под его руководством улучшилась работа цензоров и совместителей в большинстве частей и соединений. Случаи разглашения военной тайны через печатные издания значительно сократились.

Капитан 3 ранга СОЛОВЬЁВ в период продвижения наших частей на запад лично выезжал в части...» и т.д.

Здесь я узнал еще об одном значении слова «совместитель», надо полагать, так назывались добровольные стукачи.

Понятнее делается его пламенный патриотизм: это профессиональное.

У отца были подаренные им книги «Морская служба» и «Отец», ни ту, ни другую я не читал, но сейчас заглянул в начало романа «Отец». «Придя домой на обед и едва заглянув в комнаты, Александр Николаевич догадался, что происходит необычное. Все в квартире сдвинулось, сорвалось со своих мест: стулья вверх ножками громоздились на голом столе; кровати стояли с обнаженными полосатыми матрацами; зеркало на стене, замазанное зубным порошком, как бы закрылось бельмом, а окна без занавесок и гардин казались лупоглазыми» - оказалось, что приезжает дочь «отца».

Виктор Тимохин (1909–1967). На войне Виктор Александрович был корреспондентом и носил звание капитана административной службы и имел, в отличие от того же Тобольского с его медалью «За отвагу», лишь «За победу над Германией», которой в 45-м награждали всех.

Как-то брал книги в СП (ещё на Вольской), и там надо было расписываться. Выводя фамилию в край страницы, я слишком размахнулся и не хватило места закончить: БОРОВИ... и я не знал, как быть. Рядом стоял Тимохин, который с улыбкой взял у меня

³ Управление контрразведки (СМЕРШ) военно-морского флота, Каспийская военная флотилия.

⁴ Военно-морская цензура.

⁵ Краснознаменный Балтийский флот.

ручку и дописал второй строкой ...КОВ. Он всегда казался добрым, да и не слышал я о нём дурного. Добрым и сонным. Казалось, вот-вот заснёт. Говорили, что с водки он перешёл на таблетки.

Думаю, если издать полное собрание его сочинений, не наберётся и сотни страниц, а известен в Саратове он был очерком «Подвиг Зинаиды Львовой» о стрелочнице, спасшей жизнь мальчика ценой потери обеих ног.

Николай Чаусов (1913–1982). Не знаю ни одного человека, включая себя, который с ним встречался. В Саратов переехал в 1965 году. Умер в 82-м. Я в «Волге» работал с 71 года, когда и СП был в одном с нами помещении, но Чаусова там не видел ни разу. Почему, будучи призывного возраста, он не был на фронте? В Сети есть в эл. виде его роман «Сибиряки», 65 года. Посмотрел: писал он, конечно, не так, как Соловьев, в советское время такое письмо доброжелательный критик даже мог бы назвать и крепким.

Нина Чернышевская (1896–1975). Не видел её никогда, в дедушкином музее был однажды уже в 80-е годы, провожая туда писателя Дмитрия Жукова с женой. Её дочку, и стало быть дедушкину правнучку, Веру Самсоновну знал.

II

Владимир Битюков (1933–2005). С его лицом можно было играть в кино предводителя разбойничьей шайки, или южнославянского вождя. Не зря его боялись редакторши. Отвергая замечания, он вскакивал во весь рост, сжимал кулачищи, а цыганские глаза делались страшны.

Я почти ничего о нём знаю, полагаюсь на то, что сообщено в «Писателях Саратова». Говорили, что в силу охотничьей страсти Владимир Николаевич чуть не месяцами пропадает в лесу.

Когда я заведовал в «Волге» отделом прозы, у нас шёл его роман «Тоска по стеклу». То, что делал этот писатель, моему анализу неподвластно. Порой казалось, что он других писателей никогда и не читал, настолько в заурядной прозе возникало вдруг ощущение полной независимости. Позднее сходное впечатление у меня вызывала проза Валерия Володина, только тот погружался в собственную диковатую языковую стихию, а Битюков находился внешне в рамках, даже в стандарте тогдашней прозы, но не оглядывался на правила. Повесть «Лесничиха» начинается так: «В войну кроме тоски по вольной мирной охоте, когда ты выслеживаешь зверя с полной уверенностью, что он не встретит тебя смертельным огнем, Порфирий познал еще и томление по никогда не испытанной чистой любви и боялся, что так и не доведется ее испытать: бои уносили тысячи человеческих жизней». Всё-таки в 1971 году, описывая фронтовика, было принято говорить не о тоске по охоте и бабе, а о защите Родины.

Языком проза Битюкова не блистала, но вдруг встречалось: «тесные глаза», безрукое плечо при работе шевелилось, «словно очень хотело помочь здоровой, но такой одинокой мужичьей руке», хрупкая учительница выжимала белье «болезненно, будто выламывала себе руки».

Восхищаться, может, особо и нечем, но загляните выше в «прозу» Г.Соловьева, которая была тогда самой типичной для саратовских прозаиков.

«Тоска по стеклу» тоже во многом диковата, но так там про завод, что бывало уже редко, гл. редактор Палькин попробовал выдвинуть роман на премию ВЦСПС, были даже какие-то напрасные ходы через Чалмаева.

Николай Благов (1931–1992). Ему посвящён мой очерк «Третий»⁶.

⁶ <https://magazines.gorky.media/volga/2020/1/tretij.html>

Владимир Бойко (1933–2005). Пожалуй, к тому, что написал о нём в «Пустой полке», добавить нечего. Его аккуратные стихи были не хуже и не лучше, чем у других, но в них очень бросалась в глаза начитанность.

Павел Булгин (1933–2020). Жил он в Вольске, я редко его видал. Впечатление: открытый, хоть и мрачноватый, работяга. Стихи как у всех.

Ольга Гладышева (1936–2020). Я долго работал с Ольгой Николаевной в редакции журнала «Волга», о чем написал мемуар «Пика, трефа, бубна, черва», напечатанный в моей книге «Пустая полка» (2019). В 1979 году отрецензировал в газете «Коммунист» её критический сборник «Почерки». Последние годы они с Б.Дедюхиным жили в Хвалынске и писали вместе и по очереди исторические романы из серии «Рюриковичи».

Владимир Гришин (1926–1995). В основном наши общенья определялись тем, что Владимир Семёнович был главным редактором Приволжского книжного издательства, где вышли четыре мои книги и я был членом редсовета, а он был членом редколлегии «Волги», Ну и СП, где мы по должностям были несменяемые члены бюро.

Не скажу, что были близки, однако ни единым дурным штрихом не помечены наши отношения. Вообще, Владимир Семёнович был человеком мирным и покладистым, что в писательской среде редкость. Тесно дружил с Владимиром Казаковым. Однажды они с жёнами и я с сыном Денисом жили в Коктебеле и там не ссорились, несмотря на вздорный нрав Казакова.

Стихи Гришина были вровень со стихами лидеров саратовской поэзии Тобольского и Палькина, но он приехал к нам только в 1967 году и их популярности не достиг.

Борис Дедюхин (1931–2005). Вот уж кого я знал долго и близко, но уже написал об этом в той же «Пустой полке».

Леонид Иванченко (1939–2007). По-моему, главным в его произведениях было постоянное, не обязательно фактическое, а духовное возвращение к войне, которую он пережил ребёнком при немцах.

Я мало его знал, полагал, несмотря на постоянную озлобленность, человеком порядочным и искренним, и был огорчён, когда опубликовал в 90-е статейку, где обвинял меня в редакторском произволе, убирая из его текста пьянки, хотя знал, что это тогда делала цензура в дни горбачевской борьбы с пьянством.

Самое интересное, что об Л. Иванченко знаю, так это его авторство популярных игрушечных автомобильных копий. Не он их, конечно, придумал, по всему миру этим занимались, но в Саратове именно он, как конструктор и художник-любитель.

Владимир Казаков (1926–2003). Человек большой оригинальности и литератор, хорошо знавший, что ему надо писать, а чего не следует, а это редкость у советских писателей. Но я уже написал о нём в «Пустой полке».

Людмила Каримова (1939–2019). О Люде Каримовой у меня светлые воспоминания. Я знал её по СП, знал, что была геологом, что пишет какие-то стихи, и всё. Но однажды мы три дня провели рядом. В отделение саратовского СП обратилась станция юных туристов с предложением писателям поучаствовать в поездке их детей в Волгоград. Согласились Каримова и я. У меня отец воевал в Сталинграде, и её отец там воевал и погиб.

Вот моя дневниковая запись 1984 года: «19-21 мая на “Кларе Цеткин” Областной литературный праздник “Россия, Родина моя!”. О.Л. Ковнер – станция юных туристов, Л. Изр. — учительница, ещё насуспенный начальник станции юных туристов. Выставки, очень трогательные. Но огорчающие тем, *кого* ребята “изучают”: “К нам в посёлок приезжал Вас. Пав. Кондр.”, “Мы встречались с сестрой композитора Е. Бикташева”».

Это были хорошие дни. Устроители поездки нас с Каримовой не обременяли: она охотно читала стихи, и я разок пробубнил что-то ребятам. Мы с ней сблизились. Я-то поехал просто так: в редакции тогда не работал, времени свободного много, а она каждый год бывала на Мамаевом кургане. Ничего особенного в наших беседах на палубе при пробегающей за бортом волне не было, но повторю, осталась светлая теплота.

Василий Кондрашов (1937–?). Он стал известен в 90-е своей гражданской активностью, которая в основном сводилась к буйному антисемитизму. Член РНЕ, Вася, по свидетельству очевидцев, даже в трамваях размахивал флагом с партийной атрибутикой.

Когда набрал его в поисковике, чуть не первым выскочило: «Группа саратовцев обратилась к прокурору области Анатолию Бондару с просьбой проверить местные синагоги и еврейские школы на наличие книги “Кицур Шулхан Арух”. Если она будет найдена, они просят обратить внимание на содержащиеся в ней “экстремистские и человеконенавистнические призывы”. В число подписантов входят журналисты Владимир Вардугин и Александр Климов, писатели Василий Кондрашов и Михаил Муллин, пенсионеры Иван Самойленко и Василий Соснин, предприниматель Александр Сукманов. В заявлении они написали, что “иудейская религия и еврейская нация в России не должны находиться в привилегированных условиях”. “Саратов-СП”».

Ну, ладно, здесь всё ясно. Оригинально же не общественно-политическое и даже не летчицкое прошлое Кондрашова (как написано в книге, «служил в авиационных частях Советской армии, летал на реактивных истребителях и вертолётах»). А то, что вряд ли кто, кроме меня, знал его литературного крёстного отца.

«Исидор Григорьевич Винокуров (р. 1907) – советский прозаик и сценарист». (Википедия).

Я не читал ни прозы, ни сценариев Винокурова, но с ним встречался. А Вася написал повесть «Рыжий – не рыжий», в 1976 году опубликованную журналом «Юность», где Исидор Григорьевич не тогда, а много раньше служил зав отделом писем. Ну и что?

А то, что и в 60-е, и в 70-е годы прозой там заведовала Мэри Лазаревна Озерова, мать известного журналиста-международника Михаила Озерова.

Ну и что?

А то, что она была супругой Виталия Михайловича Озерова, секретарем которого после «Юности» стал Исидор Григорьевич. А это уже что.

Так называемых рабочих секретарей в правлении СП СССР было несколько, и вес у них был разный. У Виталия Михайловича очень большой. Соответственно и у его секретаря. Думаю, малоуспешный писатель Винокуров был до конца дней благодарен своей «юношеской» коллеге Мэри Лазаревне за то, что порекомендовала его своему супругу. Рассказывали, что он идеально вошёл в роль и даже стал говорить, как все преданные слуги, не *он* и *я*, а *мы*. Даже так: «Мы вчера говорили с Леонидом Ильичом...» И поди не поверь, если у «бульдозера»⁷ связи необъятные.

Мэри Лазаревне почему-то очень понравилась повесть застенчивого и отощавшего видимо от недоедания саратовского парня, и она поручила его другу Исидору. И стал Вася ездить по всяким молодым совещаниям, где его отмечали и дальше рекомендовали, а Вася, чтобы не остаться в долгу, стал обеспечивать отдых на Волге супругам Винокуровым с внучатами, чему я был свидетелем.

Каюсь, что получилось длинно, но как иначе донести своеобразие Васиного пути от крыши Исидора до крыши РНЕ.

Григорий Коновалов (1908–1987). О нем писано-переписано, да и я не раз это делал.

Иван Корнилов (1935). Корнилов начал сразу как профессионал, да и всю последующую жизнь так писал и жил. Но, как ни странно, это не сделало его прозу подлинной. Он не мог ни провалиться, ни взлететь. И ведь не просто писал, но в подражание Золя изучал тему будущей книги не наездами-наскоками, а непосредственно включив её в собственную жизнь, например, нанявшись ночным грузчиком в Крытый рынок. Но из того, что в результате написал, в «Волгу», как помню, мы так ничего не взяли.

⁷ Эпиграмма: «Рожденный от двух бульдозеров Виталий Михайлович Озеров».

А разве не плюс то, что он никогда не был в тогдашних СП-лагерях: публиковался и в «Юности» и в «Молодой гвардии». Словом, одни плюсы, но его книги не радовали открытиями, почему?

В поисках ответа я вернулся к имени Золя. Когда-нибудь кого-нибудь волновали его романы? Писал их всю жизнь, а восторженных читателей приобрёл за статьи. И один русский писатель пришел на ум – Юрий Нагибин. Его ценили, но впервые взволновала многих лишь публикация распахнутого «Дневника». Любопытно, но сейчас, по делу, я набрёл на очень похожие мысли у двух критиков именно в отношении Нагибина и Корнилова.

«Смущала в рассказе молодого писателя уверенность, что такой утилитарный подход к писательству (сегодня вечером посидел с девчонкой, завтра вставил её в свой рассказ» (В. Кочетков о Корнилове).

«Приведу лишь пример, как опытного писателя путь поисков рождения классических образов в непосредственно бытовых реалиях приводит упрощенному результату. В “Сне о Тютчеве” <...> идёт поэт и сочиняет: “бреду”, болят у него ноги – “тяжело мне, замирают ноги”, вечереет – в стихах тут же появится «Улетел последний отблеск дня» (С. Боровиков о Нагибине).

И закономерно, что именно Иван Михайлович много лет руководит в Саратове объединениями молодых писателей, где учит их азам литературного мастерства.

Павел Лебедев (1926 –2014). Мальчишкой он ушел на фронт, и война стала смыслом, содержанием его жизни, а профессией было собиранье военного фольклора. В «Писателях Саратова» написано так: «В противогазной сумке постоянно носил толстую тетрадь с поговорками и песнями. Одни из них пели солдаты батальона, другие услышал от участников дивизионной агитбригады. Третьи “перекочевали” из военных газет. Записи беспрерывно пополнялись».

Лебедев издал десятки сборников «Песни Великой Отечественной», «Пословицы и поговорки Великой Отечественной» и т.д.

Я принимал это как данность, пока однажды Дедюхин мне не сказал: «Он всё новый фольклор без конца находит, а где его берет? Вот мы печатаем “Песни, рожденные в траншеях”, это что, какой-то дед очнулся и спел их Павлу Фёдоровичу? Да и кто сочинял песни в окопах? бред! Он из старых газетных подшивок армейских и дивизионных газет берёт песни и поговорки, а писали их политруки в редакциях – вот тебе и весь фольклор!»

И я открыл один из принесенных Лебедевым сборников пословиц:

«За советскую нашу свободу мы готовы в огонь и в воду».

«Мы всегда готовы в бой за Союз наш трудовой».

«Где власть народа, там победа и свобода».

«За народное дело бейся смело».

Иван Малохаткин (1931–2011). Писал о нем всё в той же «Пустой полке».

Валентина Мухина-Петринская (1909–1993). Вспоминают сейчас Валентину Михайловну стали в связи с голицынскими разысканиями о предвоенной жизни саратовских писателей, их доносах и их допросах, ссылках, посадках и расстрелах. Тогда Мухина была из немногих, кто не сдался.

Она и в старости производила впечатление силы на собраниях, где я единственно её и видел, в «Волгу» она не приходила.

Её книг я не читал.

Таисия Наполова (1924 –?). Она жила в доме рядом со 2-м почтовым отделением, где я бывал почти ежедневно, и мы часто сталкивались, но только здоровались. Однажды она меня тормознула и предложила к ней зайти. Я, конечно, отказывался, но Таисия Тарасовна уверяла, что нам крайне необходимо поговорить. Чего-чего, а настырности в ней было с избытком, как и во мне вялости: постоял, томясь от зноя у раскаленной телефонной будки, и наконец сдался. Мы поднялись на высокий, кажется пятый, этаж.

Едва вошли, она предложила располагаться и сразу указала на сервантик, уставленный, по-западному, бутылками, и предложила отведать. Я понял, что ей чего-то от меня надо, и она, прослышав о моей склонности, решила с неё и начать. Прimitивно вроде, но в её духе. Пить я отказался, а она заговорила. Оказалось, что мне необходимо помочь, ведь я только что стал заведующим отделом критики, а это большая ответственность, и она, как более опытный и расположенный ко мне человек, берет на себя смелость дать несколько советов.

Советы свелись к тому, что мне надо окружать себя людьми правильных взглядов, строже подходить к подбору авторов, а главное, не допускать на журнальные страницы сионистов.

Если вы спросите: как я реагировал, отвечу: никак, всегда предпочитая не спорить, а не обращать внимания.

И ещё раз она сделала попытку вразумить меня, уже в бытность мою главным редактором. Это было после публикации большой работы Геры Макаровской. Смешно, но тогда же на меня наехала на редколлегии профессор Е.П. Никитина. Но там была старинная филфakovская вражда, а Наполова, как оказалось, ненавидела Геру неистово, заклиная не верить этому страшному по её словам человеку.

Последний же эпизод, связанный с Наполовой, относится к 1990-му году, когда, осознав, что новый Закон о печати даёт такую возможность, мы, т.е. трудовой коллектив (по инициативе Владимира Потапова), решили сами стать учредителем журнала, выйдя из принадлежности СПпо примеру «Октября». И был собран пленум правления СП РСФСР. Послушав там, как громят Ананьева, полюбовавшись на спавшего в соседнем кресле Евгения Носова с новенькой «гертрудой» на пиджаке, я вышел из зала, чтобы выпить в «пестром» буфете. Я предавался известной Наполовой слабости в коньячном формате, когда объявили перерыв и в буфет повалили писатели. Не помню кто, увидев меня, закричал: «Сидит, а там его разоблачают!»

Оказывается, после «Октября» принялись за «Волгу», для чего на трибуну вышла приглашенная из Саратова Наполова.

Критических статей ее я не читал, но когда из Сети узнал, что, словно в пику тандему Дедюхин-Гладышева, Таисия принялась за историческую романистику, полюбопытствовал. Как вам такое начало: «Он правил Россией в “бунташное время”. Силу при нём взяли “временщики” – столичные властные лица, получившие особые полномочия при дворе. Они держали в руках самого царя и находили разные способы “затеснить и обидеть многими обидами простой народ”. Как и прежние государи, Алексей не считался с мнением народным, подавлял бунты и усердно молился Богу».

Это об Алексее Михайловиче Романове, отце Петра Великого, сам же роман «Царица-матушка» о его матери Наталье Кирилловне Нарышкиной. А когда дальше встретим: «За высоким забором каменной кладки в тени разросшихся лип прятался известный в придворных кругах своими журфиксами особняк», то на страницу, как говаривал Бунин, хочется плюнуть. В середине XVII века, по мнению романистки, бояре тешились журфиксами,

Но вернусь к книге «Писатели Саратова», где в биографии Наполовой меня озадачила скорость её пути вверх. До 19 лет уроженка черниговского села успела получить педагогическое образование и поработать в двух средних школах двух областей. А вскоре была вызвана в едва освобожденный Харьков (сентябрь 43-го), чтобы по заданию ЦК комсомола Украины отправиться на работу в областную газету еще бывшего под немцами Чернигова, где, недолго поработав в «Деснянской правде», понадобилась «Комсомольской правде», направившей её в Сталинград.

Что ж, время было военное, и всякое случалось.

Юрий Никитин (1935). Написал о нем в «Пустой полке».

Николай Палькин (1927–2013). Не раз писал о нем и мог бы сослаться на «Пустую полку», но вспомнив, что за Палькиным предстоит Исай Тобольский (1920–1995) – решил написать о них в связке.

Они были в Саратове соперниками и недругами. Оба были, конечно, людьми одаренными.

Палькин начал со свежих песенных строк, которые легко ложились на музыку, её писали хорошие композиторы и фирма «Мелодия» даже выпустила диск, где их исполняли Зыкина, Трошин, Кобзон и Воронеж. Некоторые песни живы до сих пор, как «По тропинке снежком запорошенной», но по мере набора профессионального, а главное общественного, веса Николай Егорович всё больше тяготел к громким словам:

Когда я шёл к тебе подростком
Через луга, через ручьи,
Зажгли во мне любовь к берёзкам
Твои, Россия, соловьи.

Даже Волга стала у него какая-то общественно-политическая:

Там, вдали, встаёт из-за туманов Горький,
Кремль его и вал,
И Казань, где юноша Ульянов
Азбукой борьбы овладевал

Тобольский начинал тоже с простых, но не любовных, а детских стихов. Однако к велеречивой назидательности всегда тяготел.

И укрощая вал девятый,
Его неистовый разбег
Летел под парусом крылатым
И спорил с бурей Человек!

Удивительное сходство стихов этих непохожих людей нагляднее всего проявилось в том, что оба, часто помяная природу, никак её, извините за выражение, не конкретизируют. Если у одного тасуются условные берёзки и соловьи, то для второго столь же условные рощи, горы и поля повод воскликнуть:

Ищите радость!
Отправляйтесь в рощи,
Шагайте в горы,
Шествуйте в поля,
Торжественней,
Таинственней
И проще
Там говорит
И думает земля.

Ладно, чего уж там: в России даже Андрей Дементьев имел много поклонников, а наша парочка с ним одного поля ягода.

Виктор Политов (1935–2004). Вновь адресую к «Пустой полке».

Владимир Пырков (1935–2010). Аналогично.

Екатерина Рязанова (1915–2002). В книге «Писатели Саратова» цитируется безымянный «сратник по перу»: «Самой замечательной чертой Е.М.Рязановой как

писательницы и как человека, следует считать её активное, наступательное вторжение...» Не знаю, как писательницы, я её книг не читал, но о человеке в самую точку, и ключевое слово здесь «наступательное».

Екатерина Михайловна была женщиной крупного телосложения, часто и не очень добро улыбавшейся, и если дать одно определение, то – долговязая. Думаю, в бытность учительницей ученики её слушались.

Я наблюдал её исключительно на собраниях, в журнал она не ходила, а профсоюзные и партийные собрания у нас с СП были общие. И ей очень шла роль председателя, со всеми этими «Будем голосовать списком или поимённо...» и проч. Однажды мне довелось видеть очень её рассерженной и услышать её коронную фразу: «Я знаю: все вы придёте плясать на мою могилу!»

Виктор Сафронов (1938–2012). См. «Пустую полку».

Владимир Стрекач (1930–2003). См. «Пустую полку».

Владимир Чекменёв (1938–1989). Я довольно выпукло описал его в какой-то главе «Русского жанра».

Михаил Чернышев (1937–1998). Я лишь раз видел его на собрании, когда нас принимали в СП, так как он, с трудом передвигавшийся инвалид, почти не выходил из дома. Стихов его не знаю, но порадовался, когда в «Литпамятниках» вышло наиболее полное собрание Д. Веневитинова с его комментариями.

Константин Шилов (1945). Удивительно: и почти ровесники, и *Костя*, и на *ты*, а он был и остался для меня загадкой. Давно уехал в Москву, а на днях я случайно узнал от своего главного информатора кн. Голицына, что живёт Костя в Переделкино. А пред тем по ТВ случайно увидел фильм про Марка Бернеса, автором и ведущим комментатором которого был Шилов. Нет, я ничего сейчас про Шилова не знаю, а в далекие года нас разделяли, как мне казалось, уж очень разные вкусовые пристрастия, и прежде всего отношение к Борисову-Мусатову. Я не понимал и не понимаю его значения для русского искусства, хотя могу повторить читанное на этот счёт. И не то что не люблю, нет, скорее симпатично, но не более. Сомов и тот по-моему был значительнее, а уж в великом ряду других мирискусников его не вижу. Когда Шилов выпустил о нем книгу в ЖЗЛ, я грешным делом подумал, что они и внешне схожи, ростом, фигурой, лицом.

Куда большее впечатление на меня произвел подготовленный им двухтомник П. Анненкова «Материалы к биографии Пушкина».

Галина Ширяева (1932). Написал о ней в мемуаре «Пика, тrefа, бубна, черва».

Иван Шульпин (1945–2018). Я уже писал о нём («Пустая полка», Волга, 2028. №7/8). У нас за долгие годы не было ни вражды, ни дружбы, ни, как я полагал, взаимного интереса. Однако оказалось, что с его стороны был, притом весьма специфический.

Вот что писал мне в начале 90-х известный историк патриотического лагеря Сергей Семанов: «Недавно тут были ходоки из Саратова, с одним, очень интеллигентным, поговорил, он примерно Ваш ровесник. Спросил его, почему – вопреки Писанию – Вы сделали из Павла Савлом? – Как, разве Вы не знаете? – спросил он, а далее, как писали в старинных романах, «поведал тайну вашего рождения».

На языке Семанова это означало: узнав, что я скрытый еврей, он понял, почему оторвался от их лагеря.

Я рассказал о письме Семанова Наталье Шульпиной, когда в редакции она делилась впечатлениями супруга о поездке в Москву. Растерявшись, стала уверять, что Семанов произвёл на Ивана неприятное впечатление своими разговорами про евреев.

Словом, нашли общую тему.

Вот и весь мой обзор книги «Писатели Саратова» и её героев.